

Пролог к изданию «Грегериий» 1960 года (выдержки)

В 1910 году – вот уже полвека назад – меня увлекла грегерия, родившаяся в день, полный скептицизма и усталости, когда я достал из своей лаборатории все ингредиенты склянка за склянкой, а затем перемешал; из очищенного и растворенного осадка получилась грегерия. С тех самых пор грегерия стала для меня цветком, растущим из всего, что остается, выживает, изо всех сил сопротивляется неверию. Грегерию травили, топтали, а я одновременно плакал и смеялся, поскольку это меня печалило и веселило. Когда грегерию впервые опубликовали в газете, многие читатели расторгли договор подписки. «Измените название!» – повторял редактор, но я отказался наотрез.

Вещи замысловатые и отвлеченные должны исчезнуть, включая максимы, тяжелые, как камень, тяжелые, как давние обиды на жизнь.

Открытие грегерию стало тем, что принесло мне удачу.

Благодаря грегерию я жил, выступал с докладами, путешествовал, получил универсальную контрамарку.

На самом деле я посвятил себя грегерию с детства; еще свою кормилицу я забрасывал грегериюми.

Это единственное, что я никогда не создаю экспромтом. Мне их дарит молодость самой жизни – подруга нашей молодости или нашей старости... Их нельзя вызывать и торопить. Это капли веков, падающие мне на лоб.

Без подготовки можно написать роман, грегерию же – нельзя.

Откуда такое название – грегерию?

Открыв этот жанр, я подумал: чтобы удачно его окрестить, нужно найти слово не чересчур прозрачное и не избитое.

Так я опустил руку в огромный барабан, полный слов, и наугад – пожалуй, так крестить лучше всего – вытащил один шар...

На нем – «грегерия», пока еще в единственном числе; но я посадил в землю этот шарик и вырастил целый сад грегерий. Я остановился на этом слове из-за его благозвучия и загадочности, придаваемой женским родом.

Грегерия: галиматья, белиберда. (Согласно старым словарям, этим словом означали визг поросят, идущих за своей мамой.)

Это бессознательный крик потерянных существ; крик вещей.

По крайней мере, не приходится сомневаться, что я окрестил жанр словом, которое потерялось в словаре, не служило каким-либо названием, но сегодня, когда его используют в газете или произносят в микрофон, оно намекает на меня – преобразовавшего его значение, изменившего его суть.

Поскольку обряд крещения был совершен мной в полнейшем одиночестве и независимости, я с особым живительным удовольствием вспоминаю тот июньский день, когда осознал сам жанр и дал ему название.

Это произошло на втором этаже в правом крыле дома номер 11 на улице Де ла Пуэбла города Мадрид.

День изнывал под гнетом лета. У меня пухла голова. Я постоянно высовывался на балкон, а затем снова заходил внутрь и садился в кресло.

Тогда еще был жив дон Хасинто Октавио Пикон – бессменный секретарь Академии, и дон Хасинто Октавио Пикон мне порядком надоел.

На столе лежали ножницы, раскрытые, будто клюв пеликана в жаркий день, и мешали думать. Я их защелкнул.

Наконец, когда я в очередной раз направился на балкон в поисках того, что находится между небом и землей, и ударился по пути об угол дивана, меня осенила грегерия.

Да... Мне хотелось сказать, что я уже раньше об этом думал...вспоминая реку Арно во Флоренции... перед пансионом, где я жил... где... тот пляж... Да, тот пляж хотел оказаться здесь... Да, то неслышимое, но настоящее желание... То нарушение устойчивости берегов... Что это было? Это была... «грегерия»; я вспомнил «то самое» слово, но не был уверен в его значении, и пошел за словарем...

Грегерия всегда будет настолько самобытной, что даже если ее начнут называть не грегерией, а как-то еще, ей не нужно будет бороться за то, чтобы стать грегерией; более того, люди разоблачат контрабандиста и произнесут слово «грегерия». В этом ее феномен и загадка.

Грегерии

Книга – птица с более чем сотней крыльев для полета.

Розовые кусты – поэты, которые хотели стать розовыми кустами.

Сочинять – значит быть оставленным наедине, чтобы плакать и смеяться.

Хайкай – это поэтические телеграммы.

Стул для рояля – штопор для концерта.

Когда изобрели кинематограф, облака, застывшие на фотографиях, начали ходить.

Литаврист – повар оркестра, следящий за двумя паэльями.

Виолончелисты всегда хлещут свои виолончели.

Подвешенная скрипка выглядит как жареная курица.

В аккордеон играют, расстегивая и застегивая пуговицы на его подштанниках.

Пианист согревает ноги на педалях.